

ров» под ред. Е. Ф. Карского (Сб. ОРЯС, LXXXVIII, 1, СПб., 1910) не использованы «Слова народные в Рогачевском уезде Могилевской губернии» (стр. 8—15)¹⁸, где имеются такие термины, как

¹⁸ Не учтена также работа Э. И. Жаковой «Названия водного источника в белорусских говорах» («Юбилейная научно-методическая конференция зонального объединения кафедр русского языка», Л., 1969, стр. 248—250) и другие работы. Особый вопрос возникает в связи со смоленским материалом, который в последнее время обычно не вовлекается в круг белорусоведческих языковых источников, хотя большая часть смоленских говоров может быть причислена к белорусской диалектной территории, подобно тому как некоторая часть полесских говоров в пределах БССР может быть отнесена к украинским. Если привлекать

растерѣба, окблиця, вир, гать, гребля, грѣда, груд, большак, поплави, плавы, дрѣва, ришт 'канавя', облоги и др. Это тем более странно, что выпуски I—III тех же «Материалов», где географических апеллятивов значительно меньше, автором учтены.

Несмотря на недостатки, книга И. Я. Яшкина — полезный лексикографический труд, содержащий много новых фактов и систематизирующий (хотя и не всегда удачно) уже известный, но для многих труднодоступный материал. Хотелось бы увидеть новое исправленное и дополненное издание этой книги.

Н. И. Толстой

материал из «Смоленского областного словаря» В. Н. Добровольского (Смоленск, 1914), как это делает автор, то следует обращаться и к другим источникам по смоленской лексике.

«Успенский сборник XII—XIII вв.», изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон, под ред. С. И. Коткова. — М., изд-во «Наука», 1971, 752 стр.

Издание Успенского сборника XII—XIII вв., осуществленное Сектором лингвистического источниковедения и исследования памятников языка, явилось событием (и причем уже давно ожидаемым) не только для всех без исключения историков русского языка (в какой бы области языка они ни специализировались), славистов, текстологов, но также и для литературоведов-медиевистов, историков, археографов и других специалистов, занимающихся изучением письменного славяно-русского наследия¹.

Успенский сборник XII—XIII вв. занимает исключительное положение среди памятников восточнославянской письменности. Он не только один из самых древних литературных памятников восточных славян (уже одно это могло бы вполне оправдать общий к нему интерес), но он в то же время и самый древний памятник восточнославянской письменности, в состав которого, наряду с традиционными переводными сочинениями житийной и церковноучительной литературы, входят оригинальные собст-

венно русские житийные произведения, а именно, Сказание и страсть и похвала Борису и Глебу, Сказание о их чудесах (Сказание о чудесах Романа и Давида) и Житие Феодосия Печерского, автором которого был Нестор — удивительный писатель раннего русского средневековья, литературное наследие которого до сих пор остается еще недостаточно изученным. Причем, по мнению исследователей, список Успенского сборника отстоит от несторового оригинала не более чем на 3—4 копии-предшественницы. В числе других представляющих наибольший интерес текстов Успенского сборника должны быть названы также славянские по своему происхождению Житие Мефодия епископа Моравского, Похвальное слово Кириллу и Мефодию и Слово на Вознесение Иоанна Златоуста в переводе болгарского писателя X в. Иоанна Экзарха.

Видимо, осознание высокой ценности изданной ныне рукописи послужило причиной того, что она долгие века хранилась в собрании Успенского собора Московского кремля (отсюда и ее название) и только в 1895 г. в числе других рукописей была передана в Синодальную библиотеку.

Несмотря на большую известность и общепризнанную ценность — рукопись упоминается во всех курсах и учебниках по палеографии, отрывки из нее приводятся во всех хрестоматиях по истории русского языка и по древнерусской литературе, — Успенский сборник в целом

¹ Воспроизведение текста с палеографическим комментарием, палеографическое исследование рукописи и археографическое описание выполнены О. А. Князевской (она же руководитель всей работы); Словоуказатель к тексту составлен В. Г. Демьяновым и М. В. Ляпон (предисловие к Словоуказателю написано М. В. Ляпон). Общая редакция С. И. Коткова.

еще не мог быть предметом научного исследования. Рукопись Успенского сборника является одним из ценнейших памятников древнерусского письменного наследия, и это, естественно, затрудняло возможность свободного к ней обращения. А большой объем и сложность рукописи исключали возможность подготовки ее публикации силами одного издателя. О. М. Бодянский, А. Н. Попов и А. И. Соболевский, обращавшиеся к рукописи Успенского сборника в конце прошлого и самом начале нашего века, ставили своей задачей познакомить читателей лишь с отдельными ее отрывками (к сожалению, их публикации уже превратились в библиографические редкости и к тому же были не свободны от неточностей). Публикация рукописи, начатая А. А. Шахматовым (а затем продолженная П. А. Лавровым), получила, в отличие от предшествующих, очень высокую оценку современников, но была доведена всего лишь до 115 л. При этом все названные публикации были совершенно лишены научно-справочного аппарата.

За последние годы в литературе предмета неоднократно высказывались сожаления по поводу того, что существенным недостатком целого ряда бытующих в настоящее время спорных утверждений является в значительной мере умозрительный, априорный характер предлагаемых концепций². Успешное развитие истории русского языка как научной дисциплины невозможно без широкого и глубокого исследования памятников письменности. Обязательной предпосылкой таких исследований и должно явиться издание памятников различных веков нашей письменности, и при этом издание, вполне удовлетворяющее современным научным требованиям.

Целый ряд проблем, связанных с особенностями развития языка восточного славянства, с литературными традициями русского средневековья, с характером литературного языка первых веков нашей письменности, со спецификой межславянских культурных связей — проблем, решение которых является настоятельной потребностью сегодняшнего дня, — получит изданием Успенского сборника импульс в своем развитии.

Но издание Успенского сборника XII—XIII вв. является событием не только и не столько потому, что в научное обращение пущен памятник исключительной ценности и значения. Культура издания, высокий научный уровень подготовки и подачи текста, прекрасно выполненный Словоуказатель позволяют

рецензируемому изданию превратиться в образец для всех последующих публикаций древних рукописей.

Сектор лингвистического источниковедения и исследования памятников языка своими публикациями Изборника 1076 г., Синайского Патерика³ и Успенского сборника XII—XIII вв. не только возродил те приемы воспроизведения древних рукописей, которые в свое время были успешно использованы в изданиях В. Н. Щепкина, А. А. Шахматова, П. А. Лаврова, С. Северьянова и др., а затем более чем на 50 лет оказались по существу забытыми, но и поднял эти приемы на уровень научных требований сегодняшнего дня⁴.

Подготовленная публикация Успенского сборника состоит из: 1) Вводной статьи, содержащей палеографическое исследование и археографическое описание рукописи (стр. 4—28); 2) Текста, воспроизводимого с подробнейшим палеографическим комментарием (стр. 31—491); 3) Словоуказателя (которому предпослано небольшое предисловие), излагающего принципы подачи лексического материала рукописи; 4) Приложения, содержащего 16 фотокопий отдельных листов рукописи, дающих возможность судить не только о внешнем виде рукописи, но также и об общих особенностях графики рукописи в целом и о частных особенностях почерков каждого из писцов и, кроме того, позволяющих, хотя бы частично, представить характер использованных в рукописи инициалов и других украшений.

В предпосланной тексту памятника вводной статье содержится исчерпывающее палеографическое описание рукописи (давнее возможное, по-видимому, уже окончательно установить границы разных почерков); сообщаются необходимые сведения о составе рукописи, о предшествующих публикациях отдельных ее отрывков. Совершенно справедливо обращается внимание на необычность состава издаваемого сборника. В литературе предмета Успенский сборник называли то Майской Минеей, то Торжественником, то Прологом. Однако ни одно

³ Издание Изборника 1076 г. было подготовлено В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровиной, В. Г. Демьяновым и Г. Ф. Нефедовым под редакцией С. И. Коткова. Издание Синайского патерика было осуществлено В. С. Голышенко и В. Ф. Дубровиной под редакцией С. И. Коткова.

⁴ Успеху осуществленных изданий в значительной степени способствовала длительная предварительная подготовка, в частности, составленные и изданные Сектором еще в 1961 г. «Правила лингвистического издания памятников древнерусской письменности» (подготовлены О. А. Князевской под руководством и при участии С. И. Коткова).

² Ср. по этому поводу, в частности, выступление Ф. П. Филина на VI Международном съезде славистов («Доклады советской делегации на VI Международном съезде славистов», Прага, 1968).

из этих названий не соответствует содержанию памятника, состав и календарное расположение чтений в котором носят весьма индивидуальный характер и еще ждут специальных исследований.

Остается до настоящего времени открытым также и вопрос о месте написания рукописи.

Публикация Успенского сборника рассчитана в первую очередь на лингвистов. Поэтому текст рукописи воспроизводит «буква в букву, строка в строку».

Заново прочтя все 304 листа Успенского сборника (по 4 столбца на каждом листе), публикаторы стремились передать все подлинные написания рукописи в том виде, в котором они вышли из-под пера писца, трудившегося более 700 лет назад; отграничить эти написания от позднейших исправлений текста, его подчисток и наводок. В подстрочных комментариях внимательно зафиксированы все случаи отклонения от «ожидаемых» написаний, все расхождения с ранее вышедшими публикациями. Исправления, выполненные иными почерками, т. е. не относящиеся ко времени написания рукописи, сопровождаются соответствующими комментариями.

Все, что могло бы хоть в малейшей степени представить интерес для языковеда, палеографа и других исследователей, бережно фиксируется и детально комментируется. Тщательнейший и подробнейший комментарий сопровождает весь текст и дает возможность любому читателю (исследователю) свободно судить о тех или иных особенностях письма или даже дефектах рукописи.

Следующий за текстом Словоуказатель слов и форм с полным правом может быть назван лексическим материалом рукописи, организованным по определенной, научно вполне обоснованной, схеме и охватывающим около 100 000 словоупотреблений. При этом Словоуказатель включает не только все представленные в тексте формы слов (причем все словоформы приводятся в Словоуказателе полностью, без сокращений), но и фиксирует все отмеченные в памятнике написания одного и того же слова. Внутри статьи Словоуказателя словоформы располагаются по степени присущей им самостоятельности. Составители Словоуказателя вполне оправданно стремятся не прибегать к условной заглавной форме⁵, поскольку для памятника конца XII — начала XIII в. ее реконструкция неизбежно оказывалась бы противоречивой.

Грамматические пометы и односторонние и дублированные отсылки Словоуказателя исчерпывающе полны и в то же время лаконичны. Все ссылки даются применительно к листам рукописи.

⁵ Мотивировка редких случаев ее употребления приводится в предисловии к Словоуказателю.

Составители Словоуказателя к Успенскому сборнику учли опыт предшествующей лексикографии и своей кропотливой и тщательнейшим образом выполненной работой намного облегчили труд будущих исследователей языка этого памятника. Говорить о недостатках рецензируемого издания трудно хотя бы уже потому, что колоссальный объем проделанной публикаторами работы и высокий научный уровень ее выполнения заставляют в тех случаях, когда то или иное прочтение или прием подачи материала способны вызвать сомнение, предполагать, что соответствующий факт не прошел мимо внимания публикаторов и у них были основания выбрать именно это, а не другое решение вопроса.

Тем не менее представляется бесспорным, что отсутствие в издании греческих текстов, в той или иной степени соотносимых с рядом статей Успенского сборника, несколько уменьшает значение осуществленного издания. Конечно, привлечение греческих параллелей, сопоставимых с соответствующими статьями Успенского сборника, намного бы затруднило подготовку и без того задержавшегося издания, но наличие таких сопоставимых текстов могло бы передать в руки исследователей материал исключительной важности⁶ и еще более повысило бы ценность осуществленного издания. И еще одно. Представляется неясным, почему составители Словоуказателя отказались от фиксации количества словоупотреблений того или другого слова. Трудно предположить, что наличие такой детали справочно-научного аппарата, уже представленной в Словоуказателе Изборника 1076 г., могло быть расценено как нежелательное.

И, наконец, несколько замечаний уже совсем частного порядка. Думается, что не совсем удобно указание на подправленные в тексте буквы только посредством цифровой отсылки (например, 18 17—18 подправлено). Видимо, лучше было бы (точнее, удобнее для читателя) и в этом случае называть соответствующую букву (*ы*), используя при этом какую-то шрифтовую дифференциацию.

Вряд ли можно согласиться с тем, что предложно-падежная конструкция *изъ млада* (ἐκ βρεφους) безо всяких оговорок определяется как в Словоуказателе как наречие *измо/лода* 26 в 25—26 (что противоречит даже разбивке на слова в тексте памятника).

⁶ В связи с этим небезынтересно напомнить, что уже А. А. Шахматов обращал внимание на то, что «в ряде случаев Нестор приводил тексты священного писания, заимствованные из Жития Саввы, в более исправном виде» (А. А. Шахматов, Несколько слов о Несторовом Житии Феодосия, Сб. ОРЯС, 64, СПб., 1896, стр. 16).

Наверное, возможно спорить по поводу того, насколько оправданным является выделение форм сравнительной степени прилагательных в отдельные статьи или же отсутствие помет у субстантивированных прилагательных (приводимых недифференцированно от обычных прилагательных), или же отсутствие отсылок у прилагательных, употребляющихся всегда только в одном единственном словосочетании (например, *оутрби*).

Можно было бы, видимо, назвать и еще некоторые частности, по поводу которых было бы возможно высказать сомнение или возразить. Но даже сам характер названных замечаний свидетельствует о том, что сомнения могут касаться лишь незначительных частных особенностей осуществленного издания.

Высокий уровень подготовки текста, бережное отношение к тому, что сохранилось от предшествующих публикаций Успенского сборника, подробнейшей палеографической комментарий и великолепно составленный научно-справочный

аппарат — все это определяет характер рецензируемого издания.

Хотелось бы, чтобы следующие издания древнерусского рукописного наследия, богатого, разнообразного и, к сожалению, еще так мало подвергнувшегося детальному научному анализу, были подготовлены и осуществлены на столь же высоком уровне, с такой же подкупающей тщательностью, но, может быть, на более совершенном полиграфическом уровне. Представлялось бы очень желательным, чтобы в последующих подготовляемых Сектором изданиях древних рукописей удалось применить тот венский или, как его еще называют, ягичевский шрифт (иначе венская или ягичевская гарнитура), употребление которого в свое время немало способствовало совершенству публикации Саввиной книги, Синайской псалтири XI в. и др., а в наши дни характеризует издания славянских рукописей, осуществляемые за рубежом.

Т. Н. Кандаурова

«Нивхско-русский словарь». Сост. В. Н. Савельева и Ч. М. Таксами, М., изд-во «Советская энциклопедия», 1970. 536 стр.

Первый «Нивхско-русский словарь», составленный В. Н. Савельевой и Ч. М. Таксами, является относительно полным и включает в себя, как указывают его составители, свыше 13 000 слов. При наличии ранее вышедшей двухтомной грамматики нивхского языка, а также «Русско-нивхского словаря» (сост. В. Н. Савельева и Ч. М. Таксами, М., 1965) выход в свет этого словаря создает возможность для исследования нивхского языка в широком сопоставительном плане, в частности — в целях выявления его генетических связей, которые до настоящего времени остаются невыясненными.

В предисловии (стр. 3—10) приводятся некоторые сведения о нивхах и нивхском языке и о тех задачах, которые ставили перед собой составители; особо сообщается о принципах построения словарных статей (стр. 11—20).

«Нивхско-русский словарь» является диалектным: в нем дается лексический состав амурского диалекта нивхского языка, наиболее изученного в настоящее время, и приводятся параллели (правда, не всегда) из его второго основного диалекта — восточносахалинского, имеющего значительные фонетические, лексические и грамматические отличия от первого; третий, северосахалинский диалект нивхского языка, занимающий промежуточное положение между этими диалектами, в словаре не представлен совсем.

В словаре нашла отражение тематически самая разнообразная лексика (хозяйственная, культурная, общественно-политическая и т. п.). Значительный интерес не только для лингвистов, но и для этнографов, представляют такие хорошо разработанные в словаре тематические слои лексики, как топонимы, слова-табу, слова, связанные с религиозными представлениями нивхов, родовые названия, термины родства, клички животных и собственные имена людей. В словаре нашли отражение многочисленные неологизмы, часть которых образована средствами самого нивхского языка, а другие представляют собой заимствования из других языков (прежде всего, из русского); приводятся также некоторые идиомы, которые пока еще совсем не исследовались в нивхском языке.

Представленный в словаре лексический материал и его разработка в словарных статьях отражают явления полисемии, омонимии и синонимии, также еще не бывших предметом специального исследования.

Положительно оценивая издание «Нивхско-русского словаря», вместе с тем следует указать на ряд существенных недостатков, часть которых создает известные трудности при его использовании, особенно для неспециалистов. Прежде всего, недостаточно продумана система буквенного обозначения фонем нивхско-